

Глава 9. Социально-экономическая зависимость населения в условиях российских реформ

Структуры и сознание: вместе или врозь?

Независимость и самостоятельность стали важнейшими ценностями, активно пропагандируемыми в российском обществе в последние годы. Они рассматриваются как условия выживания и развития отечественных предприятий, адаптации массовых слоев населения к условиям рыночной экономики и формирования среднего класса; концепция независимой жизни – одна из основных в социальной работе с пожилыми людьми и инвалидами. Условия открытого и конкурентного общества предполагают опору на собственные силы как отправную точку в экономическом поведении человека.

Однако, как показал десятилетний опыт российских реформ, институциональными препятствиями на пути эффективного реформирования оказались не только материально-техническая база предприятий, устаревшие формы руководства экономикой и отсутствие эффективной финансовой системы. Не менее важным препятствием оказались нравы, привычки, психология и установки людей. Исследования последних лет выявили парадоксальное явление российской действительности – разнонаправленность векторов структурных экономических преобразований и изменений в сознании. "Рассогласованность организационно-политических и культурно-психологических устройств ведет к снижению эффективности всех социальных институтов"¹. Одной из таких "институциональных ловушек", блокирующих изменения, стали зависимые установки и зависимые стратегии экономического поведения значительной части населения.

Социально-экономическая зависимость: жизненная стратегия и феномен массового сознания

Социально-экономическая зависимость – это стратегия поведения слабого, обладающего минимальным размером социального "капитала" индивида, не способного самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию, которому сознательно (часто добровольно и инициативно) оказывается помощь со стороны другого субъекта (общества, государства, предприятия, людей).

Отношения зависимости и покровительства предполагают наличие опекаемого, рассчитывающего на помощь, неспособного без нее обойтись, и опекуна, который по тем или иным соображениям эту помощь предоставляет. Как следует из смысловых определений понятия "зависимость" и производных от него, оно противопоставляется категориям свободы и самостоятельности. Статус зависимого означает подчиненность некоторому субъекту в обмен на опеку, помощь, покровительство последнего.

Экономическое самообеспечение предполагает обеспечение жизнедеятельности индивида (семьи), сохранение и повышение его социального статуса, духовное развитие *преимущественно самостоятельно, за счет собственных ресурсов*, которые предлагаются обществу в процессе эквивалентного обмена деятельностью. В этом ключе "зависимость" является *получением товаров и услуг, не связанных с эквивалентным обменом*. Под социально-экономической зависимостью как *состоянием* человека или социальной группы понимается неспособность самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию, постоянное пребывание под чьей-либо опекой.

Не менее важным является рассмотрение социально-экономической зависимости как *феномена массового сознания*. *Ожидание* опеки и помощи, *надежда* на получение гарантированных материальных благ, *стремление* переложить ответственность на чужие плечи широко распространены в больших группах населения современной России.

В массовых опросах зависимые установки фиксируются низкой ценностью свободы и большой ценностью социальных гарантий, а также осознанием своей неспособности самостоятельно, без внешней поддержки, себя обеспечить. Как правило, этим установкам сопутствуют низкий уровень потребностей, уравнилельные ценности, экстернальный локус контроля за событиями своей жизни. Социально-экономические характеристики этой группы респондентов представлены низкой конкурентоспособностью на рынке труда, высокой заменимостью с точки зрения работодателей².

¹ Гордон Л.А. Субъективные ошибки или объективные обстоятельства? // Общественные науки и современность, 1998. № 5. С. 27.

² Под "заменимостью" мы понимаем величину трансакционных издержек, связанных с увольнением, наймом и подготовкой новых работников. См.: Монусова Г.А. Промышленные рабочие в России: адаптация, дифференциация, мобильность // Социологический журнал, 1998. № 1/2. С. 212.

Зависимость как адаптационная стратегия, эффективная в условиях "государства всеобщего перераспределения"

Социально-психологический механизм формирования установок на социально-экономическую зависимость хорошо объясняется феноменом "*диффузии ответственности*"³. Когда достаточно долгое время (или постоянно) действуют мощные внешние факторы, способствующие решению проблемы жизнеобеспечения человека, его готовность к проявлению собственной активности соответственно уменьшается.

В литературе социальная политика советского государства чаще всего характеризуется как патерналистская: в обмен на заданную работнику трудовую активность ему предоставлялась возможность удовлетворения лимитированных жизнеобеспечивающих потребностей⁴. Практика хозяйственной деятельности в условиях *государства всеобщего перераспределения* предполагала сосредоточение ресурсного потенциала социальной защиты населения в руках государства. Патернализм предполагал неравенство доступа к власти и ресурсам, получение работниками значительных выгод вне зависимости от индивидуального вклада каждого, которые они не могли получить из альтернативных источников.

Гарантированность социальных благ, уравнивательный и неденежный характер их предоставления, существование верхней планки заработков, навязывание представлений о нечестности, аморальности любых высоких доходов сформировали особый тип социально и экономически инфантильного гражданина, отчужденного от основных социальных институтов, от собственности, власти и управления, который в веберовской оппозиции "либо хорошо есть, либо спокойно спать" выбирал последнее. Важнейшим моментом, обусловившим широкое распространение подобной стратегии, было *освобождение человека от бремени ответственности* за обеспечение себя и своей семьи.

Пассивные, облегченные стратегии жизнеобеспечения закреплялись в ценностях, ориентациях, мотивации экономического поведения. Они не только становились привычными и нормальными для одного поколения, но и передавались в процессе социализации следующим. Люди воспитывались уверенными в неограниченности материальных и финансовых ресурсов государства, которое обязано удовлетворять потребности граждан независимо от того, как они работают.

Проводя аналогии с описанной в предыдущих главах технологической системой в СССР, которая могла быть эффективной только в условиях закрытой экономики, можно утверждать, что массовая социально-экономическая зависимость также была (единственной?) эффективной адаптационной стратегией, поскольку у людей не было возможности выбора альтернативных государственным источникам ресурсов жизнеобеспечения.

Социально-экономическая зависимость – "институциональная ловушка" в условиях рыночных реформ

Массовое сознание – одна из самых инерционных структур, поэтому неудивительно, что ожидания опеки и помощи со стороны государства остаются у населения и при изменении в "базисе", реальных экономических структурах. Общество не может в одночасье воспринять новые ценности (в данном случае – свободы и самостоятельности), хотя бы и самые прогрессивные. Однако влияние этого "налога прошлого" на макроэкономические изменения в стране и адаптацию массовых слоев населения к новым условиям оказалось вовсе не таким безобидным и поверхностным, как можно было ожидать.

Первая "ловушка" заключалась в простой логической цепочке: западные стандарты потребления \Leftarrow свободная конкуренция \Leftarrow экономическая свобода \Leftarrow экономическая ответственность.

Пропаганда рыночных отношений акцентировала внимание граждан в основном на первом звене этой цепочки, на потребительских аспектах рыночной экономики. Деятельностной составляющей уделялось гораздо меньше внимания, подразумевалось, что остальные звенья этой цепи появятся "сами собой". Этого не произошло. Сформировавшийся в результате "диффузии ответственности" стереотип экономического поведения блокировал "вращение" людей в новые структуры. И уж совсем не готово население было принять тот факт, что расширение сферы свободы человека пропорционально увеличению его социальной ответственности.

Вторая "ловушка" касалась собственно отношений зависимости и покровительства. Как было показано выше, главное условие зависимой адаптации – наличие сильного опекуна, какими в СССР в течение десятилетий являлись государство и госпредприятия. Следуя логике рыночных реформ, государство в России пошло по пути сворачивания своих социальных обязательств (или их систематического невыполнения): право на труд перестало быть гарантированным, сузилась сфера предоставляемых государством бесплатных социальных благ, была разрушена система административного регулирования цен. То же происходило с теперь уже акционированными предприятиями, внезапно ставшими перед выбором экономических либо социальных

³ См.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983; Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. Том 12. 1991. № 6.

⁴ Социология труда в новых условиях : Межвузовский сборник статей. Самара: СамГУ, 1992. С.12.

приоритетов своей деятельности. Таким образом, постепенно терялись *материальные условия* для существования зависимой адаптации, но при этом сохранялись прежние зависимые установки в массовом сознании.

Третья "ловушка" была обусловлена самой спецификой нестабильного, переходного общества, в котором резко повышается роль индивидуально-личностных факторов социальной мобильности, в отличие от статусных характеристик. Индивидуалистически-либеральные либо патерналистско-эгалитарные установки, степень мобильности психики и адаптационный ресурс человека оказались в числе основных стратифицирующих факторов социально-психологического характера⁵. С типами ментальности сегодня жестко коррелирует динамика материального положения людей. Западная культура принесла, наряду с прочими, понятие "неудачника экономической деятельности". Отмечая тенденцию оттеснения в социальные аутсайдеры носителей традиционалистской ментальности, Н.Е.Тихонова утверждает, что "в современной России началось не просто формирование застойной бедности, но ее представители имеют отчетливо выраженные особенности образа жизни и личности"⁶.

Итак, сегодня зависимые установки не подкреплены наличием сильного покровителя, что становится фактором чувства социальной незащищенности, а в наиболее трудных ситуациях – социальной беспомощности, некомпетентности и агрессии. О том, что сегодня зависимые установки – мощный фактор дезадаптации трудоспособного населения, свидетельствует социально-демографический портрет зависимых групп населения – наибольшая их доля фиксируется среди безработных и малообеспеченных⁷. Кроме того, рыночные реформы последнего десятилетия наглядно показали тесную взаимосвязь положения человека в системе льгот и пособий и его дискриминации, и прежде всего это сказалось на женщинах. Типичная характеристика зависимого человека – незнание своих прав, неумение их отстаивать. Этим объясняется парадоксальный факт, что массовое недовольство политикой государства, высокий протестный потенциал сегодня, как правило, остаются на уровне эмоций, но не выплескиваются в активные действия.

Таким образом, сознание и исторически сложившиеся неэффективные технологии жизнедеятельности на уровне индивидуального экономического поведения – еще одна "институциональная ловушка", которая обуславливает устойчивое следование поведенческим моделям, неблагоприятным для макроэкономического и социального развития страны в долгосрочной перспективе.

Почему так живучи зависимые установки?

Логично было бы ожидать, что трансформация – неизбежный выход из нестабильного состояния, а неэффективные жизненные стратегии будут прочно забыты. Однако этого сегодня не происходит. Пытаясь ответить на этот вопрос, рассмотрим *структурные и поведенческие факторы* социально-экономической зависимости в настоящее время.

Первые обращают наше внимание на несовершенство социальных институтов, обуславливающих социальное исключение людей, лишаящих их возможности выбора самостоятельной стратегии жизнеобеспечения. Ключевым моментом здесь выступает наличие у индивида (семьи) *ресурсов* для самостоятельной жизни. Рассмотрение зависимости с точки зрения ресурсов позволяет сделать следующие выводы.

1). Либеральная социальная политика предполагает наличие ресурсной базы в домохозяйствах. Как мы рассматривали выше, практика хозяйствования в условиях перераспределительной экономики путем экономических и идеологических барьеров этого сделать не позволяла. В условиях же современной России невиданная ранее скорость трансформационных процессов, уничтожение сбережений граждан, экономический кризис – очевидные причины того, что значительная часть населения, так и не приобрела "в частную собственность" ресурсы независимости, утратив при этом государственную поддержку. Добавим сюда и фактор фактического препятствования государством образованию самостоятельного среднего класса, прежде всего, вследствие неразработанности правил игры в виде правовых основ предпринимательства, разумной налоговой политики.

2). К структурным же факторам следует отнести и огромный груз социальных обязательств государства, с которым осуществляется переход к рынку. Даже при значительном сокращении сегодня этих обязательств Россия сегодня остается "страной льготников". Подобно описанной в предыдущих главах ситуации, когда критическая масса неэффективных предприятий вынуждает следовать моделям хозяйствования, противоречащим всем экономическим законам, экономические трудности последних лет обусловили такое количество нуждающихся и обездоленных, что разговоры о ценностях "независимости" не встречают понимания в массах, и государство вынуждено идти на поводу у тех, кто ожидает помощи и не

⁵ Тихонова Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // *Общественные науки и современность*, 1997. № 5. С. 8.

⁶ Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // *Общественные науки и современность*, 1998. № 3. С.30.

⁷ Так, в исследовании "Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания" (рук. Е.С. Балабанова; при финансовой поддержке МОНФ, февраль 1997 г.; по целевой выборке было опрошено 567 чел. в Нижнем Новгороде) в результате кластерного анализа данных выделена группа "обездоленных" с ярко выраженными зависимыми установками.

приемлет иных поведенческих стратегий. Таким образом, перефразируя Гегеля, "если ценность не находит понимания у большинства населения, то тем хуже для ценности".

3). Подобное давление "критической массы" выражается в том, что сегодня основными экономическими субъектами продолжают оставаться крупные предприятия, осуществляющие функции, далекие от задач получения прибыли и эффективности производства. Социальная инфраструктура в сочетании с необходимостью содержать до трети излишней рабочей силы – балласт, не позволяющий предприятиям маневрировать, приспосабливаться к условиям рынка. Не имея собственных ресурсов, значительная часть населения продолжает связывать себя с предприятиями комплексом обременительных отношений материальной зависимости в интересах выживания своих домохозяйств. Формируются "симбиозные ресурсы", которые определяют высокую социально-экономическую живучесть экономически неэффективных российских предприятий⁸. Зависимый от предприятия работник является той дешевой и лояльной к руководству рабочей силой, которая не бежит с тонущего корабля, работает за низкую зарплату, месяцами дожидаясь ее или принимая в качестве таковой им же произведенную продукцию. Особенно это актуально для малых городов, где предприятие является единственным работодателем, что означает отсутствие у населения альтернативного источника ресурсов жизнеобеспечения.

Поведенческие концепции зависимости акцентируют внимание на индивидуально-личностных характеристиках. Они достаточно продуктивны при объяснении зависимых установок у людей, живущих в сходных социально-экономических условиях, но имеющих различные поведенческие стратегии. Рассмотрим их, пользуясь типологией, разработанной в зарубежной традиции изучения зависимости⁹.

1 – модель рационального выбора, предполагающая анализ индивидами своих выгод и издержек, связанных с альтернативой "самостоятельность – зависимость". Эта модель объясняет "зависимую" стратегию безработных. Некоторые исследователи полагают, что даже при символическом размере социальных пособий в России намечаются тенденции формирования андекласса западного образца, и несовершенство законодательства вкупе с неотработанностью механизма социальной защиты в новых условиях способствуют тому. Так, Н.Е. Тихонова отмечает тенденцию формирования "культуры зависимости" среди российских безработных и особой прослойки лиц, сознательно живущих на пособия. Свидетельства тому – растущая роль пособия по безработице в структуре доходов домохозяйств и во многих случаях предпочтение оставаться на пособиях поиску работы¹⁰.

Кроме того, в исследовании социально-экономической зависимости женщин¹¹ четко просматривается сознательный выбор многими из них экономически зависимого статуса домашней хозяйки либо низкооплачиваемого работника ради обеспечения возможности осуществления традиционных ролей матери и хозяйки дома. Данный выбор делается с целью оптимального распределения семейных ресурсов, прежде всего финансовых и временных. Собранный в ходе интервью материал, так же как и результаты предыдущего количественного исследования¹², позволяют утверждать, что сегодня в России эффективная зависимая адаптация носит "женское" лицо, а субъекты покровительства перемещаются на уровень социальных сетей людей.

2 – зависимость как результат потери уверенности в себе, контроля над собственной жизнью, возможности достижения желаемых результатов. На наш взгляд, сегодня в России наиболее распространенными являются именно социально-психологические факторы формирования зависимых установок. В данном случае имеется в виду известный феномен "выученной беспомощности", вырабатывающийся под влиянием повторяющихся неудач. В условиях "коллективных ненормативных жизненных событий"¹³ и индивидуализации социального риска приобретает значение несоответствие расширения диапазона новых возможностей социальной беспомощности человека. Не обладающий надежными способами выхода из тяжелого материального положения, он не может бесконечно "пробивать лбом стену" и в итоге часто обращается к единственному известному ему способу – *просить* – милостыню или государственную поддержку.

В эту же группу факторов мы отнесли и формирование зависимых установок как защитную реакцию от психических перегрузок. В публикациях, посвященных исследованиям безработицы в России, приводятся данные о конформистском типе личности безработных, гораздо меньшая значимость для них свободы в сравнении с ценностью материального благополучия, недостаточный реализм и неадекватность в оценке себя и

⁸ Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз / Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: "Дело", 1998. С. 218-223.

⁹ Ellwood, D. (1989), 'The origins of "dependency": Choices, confidence or culture?', in 'Defining and Measuring the Underclass (special issue)', *Focus*. Vol.12. No.1.

¹⁰ Тихонова Н.Е. Российские безработные: штрихи к портрету // Мир России. Том VII. 1998, № 1-2. С.131, 139-143.

¹¹ Исследование было проведено Е.С. Балабановой при финансовой поддержке МОНФ в марте 1999 г. (рук. Е.С. Балабанова). Методом углубленных интервью было опрошено 28 экономически зависимых женщин.

¹² "Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к новым условиям" (рук. Е.С. Балабанова; при финансовой поддержке МОНФ, февраль 1998 г.). По целевой выборке было опрошено 365 чел. в Нижнем Новгороде.

¹³ Мель Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома // Вопросы психологии, 1995. № 5. С.61-64.

своих возможностей¹⁴. *Нередко у зависимой личности вырабатывается "комплекс Фомы Опискина" – неблагодарность по отношению к близким, от помощи которых он зависит, и требование повышенного внимания к себе.*

3 – культурные модели, предполагающие существование субкультуры зависимости (бедности) с ценностями и нормами, отличными от господствующих в обществе, то есть своего рода социальную девиацию. Модель "зависимость как девиация" вряд ли применима в ее классическом виде в России в связи с небольшим стажем социальной дифференциации в стране, где имущественные различия еще не успели вылиться в культурные. Однако модель "зависимость как исповедуемая ценность" позволяет вскрыть целый блок вопросов, связанных со спецификой национальной культуры и образа жизни семей и даже целых социальных групп.

"Культурными" причинами может быть объяснена зависимость на уровне социальных сетей человека в России, с учетом традиционно высокой роли межличностных связей, "наработанного" социального капитала, в то время как независимость связана прежде всего с отчужденными формами функционально-ролевых отношений. В том случае, когда не срабатывают формальные институты социальной поддержки, поиск защиты от нестабильности внешней среды направляется по линии межличностных связей (*патронажа*)¹⁵. Это выражается в использовании родственных связей, поиске спонсоров и благодетелей. Подобное взаимодействие носит неэкономический характер, в центре его находятся эмоциональные и нравственные аспекты.

Социально-экономическая зависимость и социальная политика

Развитие рыночных отношений приводит к необходимости создания в обществе специальных систем, обеспечивающих устойчивость и сбалансированность социальных отношений. "Одна из конечных целей социальной политики и социальной работы связана с концепцией независимой жизни, которая рассматривает человека в свете его гражданских прав, а не с точки зрения его личностных и социальных трудностей". Независимая жизнь предполагает наличие у человека альтернатив и возможности выбора¹⁶.

Известно определение России как "страны льготников": льготами у нас сегодня пользуются около 70% населения¹⁷. Сегодня они воспринимаются как коллективные права граждан либо компенсация за утраченные возможности. Известно, что большие социальные обязательства государства нарушают баланс между экономической и социальной эффективностью, наносят урон достигательским ценностям среднего класса.

Патернализм можно считать оправданным, если рассматривать человека как не имеющего доступ к информации, не способного ее переработать, слабовольного, принимающего эмоциональные решения, социально некомпетентного¹⁸. Относительно "государства-кормильца" исследователи, вслед за Ф.М. Достоевским, отмечают, что эта традиция начинается с презрения к идеалам свободы, и отсюда презрение к человечеству вообще как к "беспомощной и слабой расе", с которой надо *мягко обращаться*, организовывая жизнь людей для их же пользы¹⁹. Мы присоединяемся к этому мнению, считая, что государственный патернализм, равно как и идеология тоталитаризма, основываются на посылке, что люди не в состоянии самостоятельно распорядиться своей свободой и сами себя прокормить. Более привлекательной представляется либеральная позиция: только индивид способен наилучшим образом оценить, что ему выгодно, и важна сама возможность принимать самостоятельные решения, даже при том, что они могут не приводить к максимизации полезности. В целом же мы полагаем, что существуют лишь *два основания* для предоставления льгот: *1) признание особых заслуг индивида (пенсионеры, ветераны), 2) признание социальной инвалидности человека, неразрывно связанное с дискриминацией.*

Многолетний опыт благотворительности и поддержки попавших в беду людей показывает, что государству приходится постоянно решать комплекс проблем: как оказать нуждающимся такую помощь, которая принесла бы ощутимое облегчение и не поощряла при этом социальное иждивенчество?

Несомненно, что социально ориентированная экономика значительно проигрывает в эффективности экономике жестко конкурентной. Пример этому – не только СССР и страны Восточной Европы, но и Швеция, где размеры общественного сектора достигли в настоящее время своего предела, и он не может больше предоставлять новые рабочие места. Общество может позволить себе государственный патернализм только на волне экономического подъема.

Благотворительность государства не противоречит эффективности функционирования общества до тех пор, пока она обеспечивает минимально необходимую стабильность, пока социальные выплаты являются

¹⁴ Тихонова Н.Е. Особенности формирования проблемных групп на рынке труда / Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 1997. С.235.

¹⁵ Abercrombie, N. and Hill, S. 'Paternalism and Patronage' // The British Journal of Sociology. Vol. XXVII. 1976 No.4. P. 421.

¹⁶ Шапиро Б.Ю. Общее и особенное в социальной работе в России / Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: МВШСЭН, Интерцентр. 1997. С.260.

¹⁷ Сулласте Г.Г. Женщина как объект и субъект социальной безопасности // Социологические исследования, 1998. № 12. С. 67.

¹⁸ New, B. 'Paternalism and Public Policy' // Economics and Philosophy. 1999. Vol.15. No.1. P.71-72.

¹⁹ Green, D. 'Liberty, Poverty and the Underclass. A classical-liberal approach to public policy', in D.J.Smith (ed), Understanding the Underclass. L.: Policy Studies Institute, 1992. P. 70-71.

"структурной необходимостью" – не допускают насильственного перераспределения власти, собственности, доходов.

В публикациях неоднократно высказывалась идея о том, что невозможно взять готовые западные модели социальной политики и применить их в России. И проблема не только в различных культурных традициях, но и в временном лаге, разных стадиях развития социальной политики. Возможно, России еще предстоит пройти путь высокой степени социально-экономической дифференциации, формирования анклавов застойной бедности, массовых акций в защиту социально-экономических прав. Следует взять на вооружение и западный опыт, показавший, что "адресная помощь" – не синоним "эффективной помощи"; что клиент служб соцзащиты не должен быть пассивным получателем помощи; что основные средства должны направляться не на поддержание доходов (то есть поддержание бедности), но на социальные инвестиции – создание рабочих мест и расширение возможностей для получения образования.

Однако задача реформирования социальной сферы, институционализации новых поведенческих стратегий не ограничивается чисто распределительными функциями государства. Неорганический, "догоняющий" характер российской модернизации ставит нас перед фактом, что ценности, культура, сознание вынуждены идти вслед за структурными изменениями в экономике, а не наоборот, как это было в США и Западной Европе. Как известно, поверхностное подражание и потребительские ориентации – неизбежные явления в подобных условиях. Российские рыночные реформы останутся достоянием элиты и насилием над массами, если в стране не сложится экономическая культура, адекватная структурным изменениям в экономике. Поэтому столь велика сегодня роль целенаправленной пропаганды, формирования общественного мнения, культуртрегерства. И в данном контексте уместно говорить не столько о *социальной* политике (связанной с вопросами дистрибутивного характера – размер, адресность и основания для оказания социальной поддержки), но о политике *социетальной* – влияющей на процессы социального воспроизводства в целом, на качество человеческих и социальных отношений²⁰. Именно социетальная политика может ставить своей целью формирование новой культуры с высоким рангом ценности независимости и ответственности как общепринятой нормы.

Рыночная экономика делает людей максимально свободными от государства. Одна из важнейших задач для всех нас – научиться пользоваться предоставленной нам свободой и осознать, что не может быть свободным инфантильный, несамостоятельный человек. Ответственность неотъемлема от свободы, и отказывающийся от бремени ответственности отказывается и от собственной свободы, от невмешательства других людей и государства в свою жизнь, от права быть личностью. Свобода требует от каждого такого объема инициативы и усилий, изобретательности и ответственности, при котором люди могут начать зависеть только от себя. "Именно тогда они перестают зависеть от милости других и от милости государства"²¹.

²⁰ Maltby, T. Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency. Brookfield USA: Avebury, 1994. P. 45.

²¹ Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Начала Пресс, 1991.